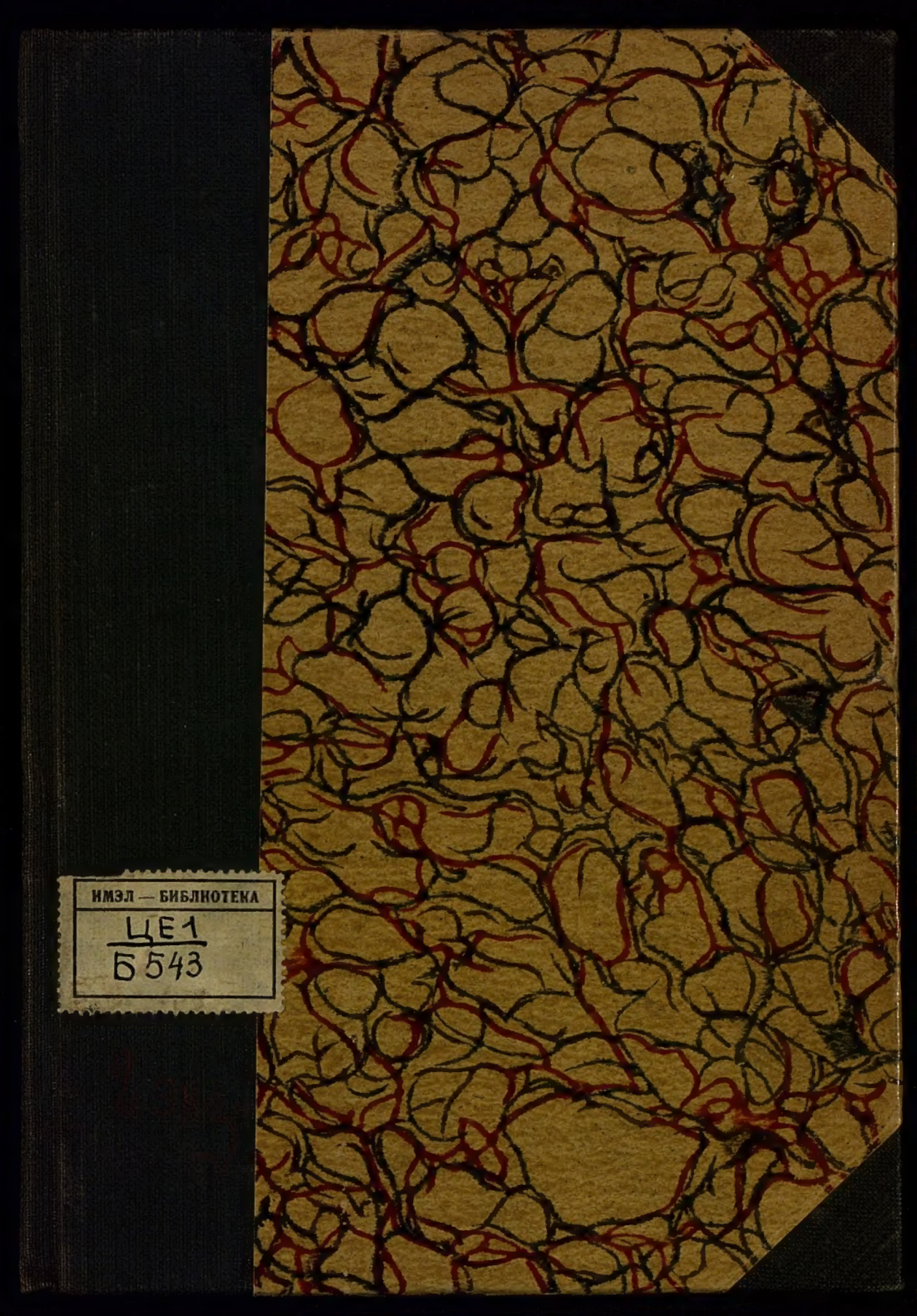

ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ц Е 1
Б 543

3095--

А. БИДБЕЙ.

II

ЦЕІ
Б543

О ЛЮЦИФЕРѢ,

ВЕЛИКОМЪ ДУХѢ ВОЗМУЩЕНІЯ,

„несознательности“,

АНАРХІИ

И БЕЗНАЧАЛІЯ.

„Подъ революціею народною... разумѣемъ не регламентированное движеніе по западно-классическому образцу-движеніе, которое, всегда останавливаясь передъ собственностью и передъ традиціями общественныхъ порядковъ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другою и стремилось создать такъ называемое революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы въ Россіи...

...Наше дѣло—страшное, полное, повсѣмѣстное и безпощадное разрушеніе...“

Нечаевъ.

1904.

2Б0.Ч

3095--

А. БИДБЕЙ.

II

О ЛЮЦИФЕРѢ,

ВЕЛИКОМЪ ДУХѢ ВОЗМУЩЕНІЯ,

„несознательности“,

АНАРХІИ

И БЕЗНАЧАЛІЯ.

„Подъ революціею народною... разумѣемъ не регламентированное движеніе по западно-классическому образцу-движеніе, которое, всегда останавливаясь передъ собственностью и передъ традиціями общественныхъ порядковъ такъ называемой цивилизаціи и нравственности, до сихъ поръ ограничивалось вездѣ низверженіемъ одной политической формы для замѣщенія ея другою и стремилось создать такъ называемое революціонное государство. Спасительною для народа можетъ быть только та революція, которая уничтожитъ въ корнѣ всякую государственность и истребитъ всѣ государственныя традиціи порядка и классы въ Россіи...

...Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе...“

Нечаевъ.

2 экз

1904.

К.

ЦЕ1
Б 543

Библиотека
ИМЭЛ

~~186~~
~~36~~

Ц-3054 у

2011

У 83

„ПОДЛОЙ ЧЕРНИ“

и

„ПОДОНКАМЪ ОБЩЕСТВА“

эту книгу
посвящаетъ
авторъ.

Приходи ко мнѣ голь непокрытая,
Споконъ вѣка бѣдою повитая,
Подъ заборомъ въ грязи нарожденная
И горячей слезой воспоенная!

Приходите ко мнѣ голоштанники,
Побирушки, бродяги, карманники,
Потаскушки базарныя, грязныя,
Въ синякахъ, лишаяхъ, безобразныя!

Рвань базарная, вонью богатая,
Все отродье, въ утробѣ проклятое,
Приходи ко мнѣ незаконное
И судьбой — палачомъ заклейменное!

Приходите ко мнѣ горемычные,
Ко кнуту, словно стадо, привычные!
Подымися, проснися, убожество:
Нужно войска мнѣ многое множество...

Встань, проснися отребье народное!
Ополчимся мы въ войско свободное,
Завоюемъ мы счастье и долюшку
Да широкую, вольную волюшку...

Я пѣвецъ вѣковою страданія!
Псалмопѣвецъ я вашъ по призванію;
Я — твой братъ, безсловесная тварь!
Я — поэтъ, я законный твой царь!

Пѣснь возстающаго Люцифера.
(Стихи Ж. Ришпена.)

Діалектикъ обаятельный!..

. . . . . .

Грозный дѣятель въ шеоріи,
Безпощадный радикалъ,
Ты на улицѣ исторіи
Съ полицейскимъ избылъ!..
Некрасовъ.

Ненасытные хищники и пошлые честолюбцы, всѣ геніи и пигмеи цезаризма, всѣ жалкіе хамы, лакеи и всякаго рода народные вампиры и кровопійцы, вся эта человѣческая мразь оживаетъ и начинаетъ шевелиться каждый разъ, какъ только становятся воды мутнѣй.

Благодаря имъ и, прежде всего, благодаря служителямъ культа партійнаго раболѣпства и этой трижды прославленной „сознательности", міръ задыхается въ тискахъ деспотизма и стонетъ и будетъ, на радость исчадіямъ Каина, еще многіе годы стонать. Міръ былъ свидѣтелемъ того, какъ на свою же голову тупоголовые хамы освящали самыя дикія проявленія начальственнаго мракобѣсія, какъ проматывались милліонныя состоянія и шику задавали богатые „идеологи" нищеты, отличавшіеся однимъ недостаткомъ: излишней скромностью по вопросу о власти, свидѣтелемъ того, какъ внизу, въ очагахъ глубокаго невѣжества, копошились какія то черныя, грязныя, невозможнаго вида человѣческія существа, блѣдныя, еле передвигающія ноги; не люди, а тѣни людей, привидѣнія. Голодъ, болѣзни и тяжелый изнурительный рабскій трудъ сводили въ могилу сотни тысячъ и цѣлые милліоны трудящихся; въ притонахъ разврата дни и ночи стоялъ неописуемый шумъ, и „чернь преступная" ковала свои адскіе замыслы, и трепетъ и ужасъ наводили подонки общества на гордый, развратный Римъ, живой угрозой стояли они передъ всей обезпеченной сволочью.

Лились слезы; то были горькія слезы, по морщинистымъ лицамъ отцевъ и свѣжимъ личикамъ дѣтей струились онѣ. Народный Люциферъ плакалъ всѣми своими злобными, ужасными глазами.

Земля осталась и, кажется, надолго еще все той же долиной скорби и воздыханій.

На человѣчествѣ будетъ тяготѣть по прежнему жестокое, незаслуженное имъ проклятіе, которое только грудные младенцы и политическіе недоноски могутъ разсматривать, какъ явленіе сравнительно новое;—это соціалдемократизмъ въ мышленіи, какое-то

непонятное, чисто соціалдемократическое чувство политическаго безсилія и соціалдемократическая противоестественная страсть къ дисциплинѣ.

На этой обширной аренѣ народныхъ страданій и мукъ каждая пядь ея говоритъ намъ о подавленіи духа возстанія, она говоритъ о нашемъ позорѣ, и это ужасное слово человѣческой кровью выведено на всемъ, чего только касалась мощная стопа шествующей въ новомъ костюмѣ, но все же старой идеи подхалимства.

Никогда, ни разу, въ той мѣрѣ, въ какой требовалось дѣломъ изстрадавшейся народной свободы, никогда еще масса не проявляла всей безпощадности, всей изступленности и всей свирѣпости своей; изъ мрачныхъ, затаенныхъ уголковъ ея, изъ міру невѣдомыхъ областей свободнаго народнаго почина не являлись предвѣстники рѣшительной бури, всѣ эти вороны, буревѣстники, легендарныя гамайюны птицы, и не получали крови и плоти и не сокрушали всякую спѣсь, благородную кичливость высокопоставленнаго истукана и мелкое самодовольство мелкой сошки — какого нибудь шарлотенбургскаго соціалдемократа. И въ ту самую минуту, когда наши тщедушные Бонопартики у блѣдно-аквамариновыхъ фонтаномъ брызжущихъ водъ услаждали свой слухъ пріятной трелью соловьевъ, воздухъ не оглашался пугающимъ ихъ дикимъ клекетомъ и протяжнымъ крикомъ птицъ; ничто не каркало о гибели и не преслѣдовали почуявшихъ бѣду кровопійцъ эти неотвязчивые, таинственные голоса, отъ которыхъ невозможно спастись.

И престолъ насилія не поколебленъ и стоитъ, какъ и прежде, и, кажется, что царству политическаго лицемѣрія не будетъ конца.

И, даже когда „подлая, тупая преступная чернь,“ въ слабой, правда, степени, дѣлала попытки къ тому, чтобы встряхнуть съ своихъ могучихъ плечъ насѣвшій на нихъ тысячелѣтній гнетъ; приходили къ ней „друзья“ ея, приносили съ собой проповѣдь воздержанія, смиренія и „сознательности“.

И на веселыя мелодіи, распѣваемыя чернью, жрецы „сознательности“ отвѣчали усыпляющимъ ее речитативомъ буржуазнаго Орфея. Выхватывали они изъ рукъ народа оружіе, которымъ время отъ времени снабжали его мятежнѣйшіе изъ всѣхъ сыновъ его,—это ученіе безвластья, полнаго равенства, „безначалія“, великое ученіе, которое въ забитаго раба вселяло увѣренность въ себѣ, энергію, живость мысли и любовь къ свободѣ, и, изукрасивъ его блестками цезаризма, бонапартизма и народолюбивой диктатуры, указывали они неквали-

фицированному люду въ многоактной трагедіи всемірной исторіи то мѣсто, которое болѣе всего приличествуетъ рабамъ.

Назойливой тучей обступаетъ народъ ненасытная банда алчущихъ власти и всякихъ благъ земныхъ, и съ какой скромностью будетъ она распространяться о томъ, что, лишь соболѣзнуя горю его, она спустилась съ туманныхъ высотъ метафизики на грѣшную землю и лишь ради него приметъ верховную власть... надъ нимъ.

Вѣрьте, друзья, что властью будутъ тяготиться сами диктаторы и, пусть только народъ станетъ умнѣй,- они не преминутъ сами, безъ всякихъ напоминаній съ нашей стороны, сложить съ себя бремя правленія. Правда, быть можетъ, придется диктаторамъ ѣсть жареныхъ рябчиковъ и „запивать вафли шампанскимъ“, воздвигать граціозныя виллы на берегахъ живописныхъ озеръ; но какъ охотно согласились бы они на болѣе скромную жизнь и какъ охотно отказались бы отъ рябчиковъ и виллъ, если бъ только была хоть какая нибудь возможность къ тому... Но ихъ положеніе депутата, представительство... О! это роковая необходимость!

Лукавыя созданія! Уже теперь, когда эти фарисеи, „соболѣзнуя горю народа“, прикасаются къ ранамъ его, предусмотрительно надѣваютъ они на пухлыя, выхоленныя ручки безукоризненной бѣлизны перчатки, чтобъ всякое случайное грязное пятно на нихъ доказывало намъ въ одно и тоже время, какъ несомнѣнную чистоту намѣреній самодовольнаго филантропа, такъ и всю глубину той жизненной грязи, въ которой прозябаетъ его бѣдный собратъ. Выносятъ они потомъ на буржуазный рынокъ продавать свои перчатки, и эти священныя регаліи всякіе хамы и христопродавцы отнесутъ на алтарь отечества, чтобъ народъ съ благоговѣніемъ приближался къ памятнику безкорыстной любви къ нему благодарныхъ его сыновъ.

Во имя этой будущей диктатуры они поютъ о „сознательности“ и это несмотря на безконечныя свидѣтельства исторіи въ пользу неисчерпаемости рессурсовъ реакціи и того, что въ минуту наибольшаго роста ея только призракъ разливающагося возстанія „несознательныхъ“, ломающаго старыя цезаристскія рамки національной жизни, могъ еще сдерживать наглость силъ реакціи.

Надо же было, чтобъ какъ разъ тогда, когда Ротшильды начинали дрожать за участь своихъ богатствъ и когда всеобщее народное возстаніе въ предѣлахъ всего цивилизованнаго міра было бы дѣйствительнымъ отвѣтомъ эксплуататорамъ за ихъ многовѣковое угнетеніе народа, чтобъ именно въ такое время явились

съ своей проповѣдью всякаго рода безполыя существа съ ихъ тощими, безжизненными лицами. Прикрывая псевдосоціалистической фигурой своей буржуазный Содомъ, они могутъ во имя все тѣхъ же великихъ идеаловъ, набирать въ свои ряды безсловесную квалифицированную массу, а поднявшуюся было трущобу оцѣпятъ крѣпкимъ кордономъ этихъ послушныхъ рабовъ.

Съ маленькой арміей, идущей на бой по мотивамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ тѣми, какіе предполагаютъ наши марксисты, съ горстью многоязычной толпы, изъ которой вдобавокъ половина питаетъ больше симпатій къ чужимъ, чѣмъ къ своимъ и только случайно оказывается у нихъ, ортодоксы проходятъ мимо незатронутыхъ никакой проповѣдью рабочихъ, могущихъ въ моментъ революціи перевернуть верхъ дномъ всю Россію, мимо босяковъ и крестьянъ и сыплютъ щедрой рукой аргументами въ пользу нереволюціонности „подлой, преступной“ черни и подонковъ общества. Гордая, пышная, объединенная вполнѣ, между прочимъ и у насъ, соціалдемократія вѣщаетъ изъ своего хедера истины, которымъ бы могъ позавидовать самъ совершеннѣйшій Будда, свѣтъ и надежда Азіи.

I

Первая соціалдемократическая истина гласитъ: „сознательный“ рабочій революціоннѣе „несознательнаго“, выучившій credo не знающаго его. Примѣры: соціалдемократы нѣмецкіе, испанскіе, швейцарскіе, англосаксонскихъ колоній и, наконецъ, наши русскіе „сознательные“. И вѣщая столь божественную истину, они будутъ всячески доказывать намъ, что повтореніе однѣхъ и тѣхъ же банальностей о неоспоримомъ вредѣ отъ непослушанія, несмиренія и неоказыванія должнаго уваженія некущемуся о рабочихъ партійному начальству не расхолаживаетъ рабочую молодежь, дѣлая изъ нее сбродъ какихъ то недоношенныхъ, неуклюжихъ, неповоротливыхъ марксистовъ, не понимающихъ ни аза въ теоріи. Они будутъ доказывать намъ, что душа квалифицированнаго пылала всегда и продолжаетъ по днесь пылать любовью къ неквалифицированному, что „сознательный“ не проникается желаніемъ „годить“, не оправдывается старой поговоркой объ улиточной быстротѣ и не находитъ въ совѣтахъ вождей полнаго попустительства себѣ въ столь пріятныхъ занятіяхъ, а что, наоборотъ, смѣло, неудержимо несется впередъ, впередъ на поле кровавыхъ битвъ.

„Несознательность“? — нѣтъ! просто прилично одѣтые господа не могутъ простить черни ея дурной тонъ и лохмотья.

Въ часы отъ дѣлъ отдохновенья высокосановные, премудрые Онуфріи, въ теплые солнечные дни, какъ только Фебъ, переставъ накаливать почву и весело склоняя свой ликъ къ странѣ Гесперидъ, освобождаетъ вечерную прохладу, спускающуюся на землю, когда и самому на душѣ такъ весело и хорошо, а кругомъ въ природѣ разлиты гармонія, нѣга, довольство; — въ эту пору празднично разодѣтые почтенные Онуфріи выходятъ погулять на богатую улицу. Медленно шагаютъ они по чистой мостовой и уже по ихъ солидной. тяжелой походкѣ съ небольшимъ развальцемъ можно признать въ нихъ или настоящихъ или будущихъ депутатовъ парламента. Пріятно дышать свѣжимъ воздухомъ и любоваться довольными, румяными лицами тѣхъ, которые не сѣютъ, не жнутъ, а только собираютъ въ житницы свои. Величественныя дамы въ роскошныхъ костюмахъ, расфранченныя, надушенныя, выставляющія на показъ бѣлоснѣжную лебединую шею и грудь; черноокія дочери Юга, расцвѣтающія подъ знойнымъ небомъ Италіи, молодыя дѣвицы въ короткихъ платьяхъ, всѣ эти граціозныя, изящныя созданія шумной толпой наводняютъ улицы и наполняютъ воздухъ своими веселыми голосами. Плутовки, онѣ подмыгиваютъ и строятъ глазки блестящимъ кавалерамъ и то сердито надуваютъ розовыя губки, то дарятъ счастливцевъ своими улыбками. А они, блестящіе кавалеры, увиваются около нихъ и ловятъ взоры красавицъ, и разсыпаются въ любезностяхъ, и смѣются молодымъ, здоровымъ смѣхомъ, заражая своимъ веселъемъ еле-еле плетущихся за ними почтенныхъ отцовъ и матерей.

Какъ безконечно пріятно человѣку въ такія минуты и какое блаженство испитываетъ онъ и какимъ безграничнымъ благоговѣніемъ къ Творцу проникается онъ, видя, какъ, несмотря на этотъ шумъ, полный порядокъ царитъ на многолюдной улицѣ!

Какъ рѣзвится веселая дѣтвора подъ присмотромъ добродѣтельной вереницы нянокъ и боннъ, и сколько благодарности представителямъ власти выражено въ ея умныхъ крошечныхъ глазкахъ за то, что они спасаютъ милыхъ пташекъ отъ грязной уличной дѣтворы. Чудныя малютки! какъ они почтительны къ старшимъ! о! они хотятъ, подобно марксистамъ, нажить себѣ розовыя щечки.

Какъ счастливы всѣ тѣ, которые получаютъ хорошее воспитаніе!

А солнце между тѣмъ, поигрывая своими золотистыми лучами, привѣтливо улыбается соціалпрефектамъ и закатывается на за-

падѣ въ пріятной увѣренности, что пока существуютъ въ Рущукѣ Топанковы, а въ Веве — ф. деръ Аа, рабочіе, скрестивъ руки, будутъ ждать справедливости даже отъ Плеве, Маура и Джіолити.

Радуются наши Онуфріи, и эта радость постепенно проникаетъ ихъ. Картины одна другой милѣй, смѣняютъ другъ друга, и каждая изъ нихъ говоритъ о „блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ подъ кущами райскихъ садовъ“, буржуазныхъ садовъ, куда полиція пускаетъ людей лишь по марксистскимъ билетамъ. А рядомъ картины подавленія, усмиренія и возстановленія тишины и спокойствія и, понятно, по адресу все той же несознательной сволочи. Въ одномъ мѣстѣ арестовали бездомнаго бродягу, въ другомъ — какого то пьянаго, назойливаго нахала изъ подонковъ общества, а дальше воришекъ, буяновъ и... анархистовъ.

Радостные, довольные видѣннымъ и самой прогулкой, съ сіяющими лицами, Онуфріи отправляются къ своимъ друзьямъ и тамъ, открывая какое нибудь собраніе, могутъ подъ впечатлѣніемъ всего пережитаго за день сказать: „весело жить въ такое время, господа!“

Буржуазные сынки, отпрыски великаго дома Маммона и К°, опоры разврата, насилія и соціальнаго неравенства, дѣти прогнившаго насквозь Вавилона блестящей оравой двигаются въ кафе-рестораны и въ прочіе притоны, гдѣ твои любимыя дочери, великій народъ, изъ-за куска хлѣба расточаютъ ласки свои твоимъ заклятымъ врагамъ. И, отправляясь туда, сумасбродничаютъ они, избиваютъ прислугу и посѣтителей, отплясываютъ все, что только есть наиболѣе непозволительнаго въ репертуарахъ балетныхъ маэстро, разгуливаютъ въ костюмахъ Адама и чуть не становятся на голову среди апплодирующей и столь же доблестной ватаги мелко-буржуазныхъ подлизъ. Но кто осмѣлится скорчить непріятную мину и тѣмъ паче потревожить полицію? какія гарантіи личной неприкосновенности могутъ существовать противъ назойливой толпы щеголей? Да! развѣ кутежи можно воспретить веселой, милой компаніи изъ лучшихъ представителей золотой молодежи, красы и гордости буржуазнаго міра.

За то какое рѣдкое пониманіе у нихъ правилъ приличія! сколько умѣнія держать себя „въ обществѣ“, на улицѣ, въ гостяхъ, и найдется ли среди насъ хотя бы одинъ, у котораго было бы столь черствое сердце, чтобъ онъ рѣшился осудить всѣ эти „безобидныя“ шалости розовой юности и забавы симпатичныхъ балбесовъ, особенно когда мы сами поддѣлываемся къ ихъ нравамъ, вкусамъ

и неоспоримому умѣнію жить. Мимо! господа, мимо нихъ, и горе имѣющимъ очи, чтобъ видѣть и уши, чтобъ слышать!

Мимо! и не смѣйте указывать намъ на акты злодѣйства, на всѣ безобразія, разыгрывающіяся въ сыскной Топанковыхъ, на эти кошачьи и кострюльные дебюты адептовъ пангерманизма, на парламентское дебоширство Козакевича и Дашинскаго, на минимально-программное полемическое балагурство теоретиковъ выѣденнаго яйца на публичномъ иль закрытомъ собраніи;-не смѣйте указывать на нихъ и изъ очаговъ безпросвѣтной тьмы не стройте, злодѣи, злыхъ, ядовитыхъ гримасъ жрецамъ „сознательности“, которые уже тѣмъ выгодно отличаются отъ васъ, что, благовоспитанные, они никогда не позволятъ себѣ по отношенію къ городовымъ и чистой публикѣ, да еще на улицѣ, сотой доли того, что часто себѣ позволяете вы.

А эти блестящія пренія, спокойныя „то-ва-ри-ще-скі-я“(?) собесѣдованія, эпитеты, эпитетцы, сплетни, слухи и ругань, всѣ эти жалкіе громы, всѣ эти дебаты на Сѣнной площади централизма, гдѣ можно порой услышать намеки на разныя обстоятельства, какъ Георгій Плехановъ неприлично ругается*) и много еще всего другого, о чемъ слѣдовало бы по временамъ освѣдомлять „невѣжественную“ чернь, дабы дѣлать ее болѣе сознательной.

Не нашлось ни одного еще, рѣшительно ни одного, который, отбросивъ всякія ребяческія соображенія, какъ бы не скомпрометировать честное имя революціонера въ глазахъ общества(?), на примѣрахъ изъ славной партійной жизни паразитовъ, на 38 засѣданіяхъ разглагольствовавшихъ на партійный счетъ, разъяснилъ бы, какое поведеніе достойно „сознательнаго“ и въ тоже время для „несознательнаго“ является недозволенной вещью.

Безправный рабочій, свидѣтель безконечной грызни генераловъ изъ за какого нибудь почетнаго мѣста въ редакціи, не получаетъ все-таки права вести столь же рѣшительную борьбу со своими врагами на улицѣ, единственной политической аренѣ, гдѣ онъ можетъ съ ними встрѣчаться.

---

*) Въ отвѣтномъ письмѣ неслужащему дворянину Плеханову „большинство“ вопрошаетъ послѣдняго: не намѣревается ли онъ въ борьбѣ съ „тов.“ Лядовымъ пустить въ ходъ... ни больше, ни меньше, какъ „трехъэтажные афоризмы народной мудрости!“.. Самодержавіе Плеханова и К°, искровское православіе, а теперь и „народность“-вотъ вамъ три устоя всероссійскаго централизма!

Почему дозволенное въ закрытомъ помѣщеніи становится менѣе дозволеннымъ на улицѣ? почему, на какомъ основаніи необходимо щадить полицейскихъ? Съ меньшимъ ли основаніемъ можно кричать послѣднимъ: „долой жандармовъ, шуцмановъ, полицію!“ чѣмъ члену Ц. К.-Х на одномъ из засѣданій 2-го съѣзда Лиги?

Почему, на основаніи какого революціоннаго Домостроя, улица представляетъ менѣе подходящее мѣсто для проявленія народомъ въ борьбѣ съ врагами той же самой полемической разнузданности, какую проявляете вы на вашихъ торжественныхъ дискуссіяхъ, и почему та же разнузданность, тотъ же самый разгулъ страстей, когда дѣло касается толпы, говорятъ лишь о несознательности ея?

Или эта жизнерадостность и всеобщее оживленіе и всѣ эти смѣлые, энергичные народные жесты осуждены давно святыми отшельниками марксизма, авторами революціонныхъ прописей?

Пошатывающійся послѣ „конспиративной“ попойки, возвращающійся домой, „сознательный“ соціалдемократъ не потерпитъ, понятно, чтобъ его уняла полиція. А завтра? завтра онъ будетъ бичевать и оплакивать несознательность пьяньчужекъ, только потому, что не изъявляли они намѣренія платить за право ношенія партійнаго ярлычка ни одной копейки, зная прекрасно, что она пойдетъ на безполезные съѣзды, разъѣзды и переѣзды.

И такъ далѣе, и такъ далѣе, и всегда почтенные педагоги сознательности, умѣло скрывая подъ маской ея боязнь передъ карающей десницей буржуазнаго генія, будутъ сокрушаться въ виду явной несознательности и легкомысленности нашей. Да простится имъ сіе прегрѣшеніе за эту кротость и робость душевную.

Только имъ и только обезпеченному, квалифицированному пролетарію, пользующемуся маленькимъ достаткомъ и наслаждающемуся спокойной жизнью буржуя средней руки, только имъ присуще благоразуміе, диктуемое вѣчной боязнью къ властямъ и желаніемъ не упустить изъ своихъ рукъ того, что прошло черезъ нихъ. Располагая нѣкоторымъ капиталомъ, имъ нѣтъ разсчета рисковать послѣднимъ и злить буржуазію, въ свою очередь готовую дѣлать подачки тѣмъ, которыхъ такъ мало сравнительно съ „несознательными“. Спускаясь по лѣстницѣ обезпеченности внизъ, вы встрѣчаете многочисленныя „несознательныя“ массы, которыхъ уже такъ трудно было бы удовлетворить буржуямъ и которые поэтому должны прибѣгать къ серьезному оружію въ жестокой борьбѣ за существованіе.

Подобная трусость присуща только „сознательному“, переоцѣнивающему, подобно Ивану III, силы столь же трусливаго непріятеля. Приступаютъ они „облегчать роды“ исторіи, но уже когда сама родильница благополучно разрѣшилась отъ бремени.

Не порицали бы мы этихъ Тартюфовъ, если бъ, сознавшись въ своей трусости, не старались дурачить насъ своими имманентными законами и оставили бы скверную привычку расхолаживать „несознательные“ низы, чтобъ сравнять ихъ въ революціонности съ буржуазными рабочими верхами, нуждающимися, наоборотъ, въ революціонизированіи и болѣе, чѣмъ эти низы.

Располагая необходимыми досугомъ и средствами, „сознательный“ можетъ въ свободное время предаваться душеспасительному чтенію и въ погонѣ за занятіями, не требующими отъ него большого умственнаго напряженія, предпочитать свободной, анализирующей все и вся и дѣйствительной наукѣ однобокую марксистскую науку, питающую лѣнивый умъ готовыми шаблонами, еще болѣе укрѣпляющими въ немъ эту склонность къ нѣгѣ, покою. Вытравливая все живое изъ его души, они дѣлаютъ изъ него маріонетку, могущую радовать лишь аскетовъ Германіи.

„Сознательность“ никогда ничего общаго не имѣла съ развитостью, которая у обуржуазившагося рабочаго выражается въ томъ, что жизнь для него становится все болѣе интересной и даетъ массу новыхъ возможностей къ болѣе счастливому прозябанію, при чемъ полностью атрофируется въ немъ чувство самопожертвованія. На открывающіеся жизнью соблазны „сознательный“ отвѣчаетъ увеличеніемъ своихъ потребностей, и она постепенно втягиваетъ его. Усвоивъ лишь верхушки теорій, увлекшись въ наукѣ лишь ея внѣшней стороной, онъ жадно набрасывался на невѣдомыя раньше утѣхи. Во всемъ этомъ нечего винить самихъ рабочихъ, которымъ надоѣло голодать и холодать и безъ конца поститься въ теченіи ряда тяжелыхъ лѣтъ.

Истинная только наука, а не лукавое „научное“ мудрствованіе можетъ революціонизировать рабочихъ. Не притупляя, подобно марксизму, умственныхъ способностей рабочаго, не убивая въ немъ духа свободнаго анализа, она особенно полезна для уже ставшаго „сознательнымъ“ и потому тяжелаго на подъемъ пролетарія, ибо она докажетъ ему необходимость смѣлой революціонной тактики. Истинно развитой рабочій, будь онъ даже „сознательный“, будь онъ даже изъ обезпеченныхъ слоевъ пролетаріата, никогда не остановится передъ необходимостью веденія кроваваго,

живого флирта съ буржуями и, можетъ быть, первый запуститъ камень въ хозяина, если только не подброситъ бомбы подъ его карету. Но такъ называемая „научность“ въ какой то непонятной партійной окраскѣ, всѣ эти „научныя“ соціологическія системы, состряпанныя на соціалистической или псевдо-анархической кухнѣ, ничего общаго не имѣютъ съ истинной научностью твореній Дарвина, Ньютона, Галилея.

И, если даже неоспоримо то, что полуразвитымъ „сознательнымъ“ трудно бороться съ соблазнами жизни, развѣ можетъ оно служить доводомъ къ тому, чтобъ окончательно оставивъ, дабы не отпугнуть умѣренныхъ отъ партіи, работу революціонизированія ихъ, не рѣшиться высказать имъ горькую истину объ ихъ психологически объяснимой вполнѣ нереволюціонности, съ которой слѣдуетъ бороться открыто, а не наоборотъ: поддѣлываясь къ нимъ, выдумывать разныя сказки о нереволюціонности „несознательныхъ“ массъ.

Лишенный всякой революціонной иниціативы, систематически избѣгающій всего, что могло бы потревожить его и причинить ему массу новыхъ заботъ, „сознательный“ обращаетъ свои взоры къ могущественнымъ партіямъ. Подписавъ партійный уставъ, кое какъ, на половину вызубривъ партійное credo и пообѣщавъ исправно вносить свою лепту въ партійную кассу и слушаться во всемъ комитета, онъ тѣмъ самымъ поручаетъ послѣднему тяжелую обязанность защищать его отъ всѣхъ его внѣшнихъ враговъ. Въ надеждѣ славы и добра, онъ можетъ вполнѣ положиться на него, ибо безъ крайней нужды комитетъ не выведетъ его изъ покоя и не заставитъ „зря“ жертвовать собой, такъ какъ идеей самопожертвованія проникнуты рѣдкіе члены самаго комитета. Мирныя демонстраціи съ гуслями и пѣснопѣніями, не причиняющія никакого членовредительства врагамъ, едва ли могутъ, даже онѣ, помѣшать тому, чтобъ буржуи и обуржуазившіеся рабочіе еще болѣе прониклись другъ къ другу уваженіемъ и, мирно рѣшая соціальный вопросъ, дѣлали бы взаимно другъ другу уступки.

Понятно, что и комитеты въ свою очередь нуждаются въ дисциплинированныхъ, „не портящихъ дѣла“, рядовыхъ, которые бы не были опасны для партійной устойчивости. А для этого хороши только „сознательные“, спокойные, вникающіе во всѣ предписанія начальства, не могущіе помѣшать планамъ его и маршируюшіе по всѣмъ правиламъ соціалдемократической шагистики. Ихъ слѣпая преданность вождямъ должна особенно льстить самолюбію послѣднихъ, и потому да ростетъ великое партійное стадо!

Но въ Россіи революціонный набатъ взволновалъ даже этотъ „сознательный“ міръ, и, благодаря воздѣйствію жизнерадостной юности и всеобщему оживленію у насъ, самоотверженная рабочая молодежь возстала противъ тысячеглазаго, алчнаго буржуазнаго бога.

Сѣмена революціоннаго анархизма западутъ въ душу ея, проникнется она желаніемъ избавленія, въ старыхъ, заунывныхъ мелодіяхъ ея прозвучатъ живыя, бодрящія нотки революціоннаго призыва. Чуткая, отзывчивая рабочая молодежь грудью своей встрѣтитъ враговъ, гордо, смѣло, на своихъ плечахъ, вмѣстѣ съ поднявшейся трущобой, вынесетъ великую народную революцію и сокрушитъ эксплуатацію и всякаго рода деспотизмъ и всякаго рода земную и небесную диктатуру.

II

Вторая столь и еще болѣе святая соціалдемократическая истина гласитъ: босякъ не революціонеръ, а тѣмъ болѣе не воротило революціи, босякъ и такъ называемый мальчишка, знаменитый ростовскій мальчишка. Ты пойми и хорошо запомни, мой другъ, что никогда, нигдѣ, ни босякъ, ни кавказскій кинто, ни этотъ мальчишка не брали на себя наиболѣе существенной задачи: создавать шумъ, привлекать массы, разлить всюду ненависть къ врагамъ и насытить атмосферу босяцкимъ гамомъ, свистомъ и всѣми подобными ужасами.

Полиція, какъ гранитная скала, окружаетъ нестройную толпу, наводя на нее страхъ своей рѣшимостью и готовностью изрубить хоть родного брата, покажись онъ въ лагерѣ бунтовщиковъ. Безоружная толпа это знаетъ. Но она зашла далеко, она уже у самаго Рубикона. Отступленіе ляжетъ на ея совѣсти несмываемымъ позоромъ, да и все равно приведетъ къ тому же концу. Надо перейти Рубиконъ и потерять политическую невинность. Всѣ ждутъ, не найдутся ли смѣльчаки, которые могли бы нарушить молчаніе. Но „сознательная“ масса прекрасно сознала, что ее ожидаетъ. Она уже было „сознательно“ разошлась или даже разбѣжалась въ стороны. А разъ уже настигла полиція, она или начнетъ присѣдать, какъ въ Ростовѣ, или же довѣрчиво подставлять свою грудь подъ пулю солдата.

Но эти босяки и безпокойная уличная дѣтвора, несмотря на то, что у нихъ и зуда безпокойства больше, а „революціоннаго авантюризма“ хоть отбавляй, никогда, нигдѣ, ни раньше, ни теперь, не вызывали и не будутъ вызывать оживленія, скандаловъ.

Да! революціоннаго авантюризма, ибо, если только остроумные критики не имѣли въ виду обозвать своихъ теоретическихъ противниковъ мелкими шулерами, ненасытными комиссіонерами-биржевиками съ солидными аппетитами, мечущимися, бросающимися всюду просто ради того, чтобъ нажить небольшой политическій капиталецъ или даже такой, который помогъ бы открыть соціалдемократическую пивную;-что другое могли сказать они, достойное насмѣшекъ и критики? Неужели всякій изъ насъ, кто не ограничивается только вѣчнымъ и вѣчно монотоннымъ пѣніемъ въ храмахъ велемудрія, не революціонный авантюристъ? Развѣ босяки, которые могутъ привести въ отчаяніе любую организованную силу и эти мальчишки, которые злятъ и дразнятъ полицію, не революціонные авантюристы, и развѣ всѣ, кто только, въ минуту жизни трудную, прячется, подобно вашимъ комитетамъ, о спасеніи которыхъ во время іюльскихъ стачекъ только и думали „сознательные“ хамы,- подъ сильной броней конспираціи, развѣ именно такіе не являются врагами революціоннаго авантюризма? Да и кто изъ рабочихъ, какъ не буйныя головушки, какъ не все тѣ же революціонные авантюристы, будутъ съ такой одинаковой охотой посѣщать и несоціалдемократическіе кулачки, и соціалдемократическія демонстраціи?

И развѣ они не нужнѣе для дѣла, чѣмъ сотни заслуженныхъ теоретиковъ и тысячи смиренныхъ соціалдемократиковъ, строющихъ глазки своимъ богамъ въ духѣ херувимчиковъ Рафаэля?

Развѣ, наконецъ, все великое въ человѣчествѣ не поддерживалось этими забавными подчасъ революціонными авантюристами? Развѣ не они были, какъ свободныя птицы, какъ безпокойныя созданія, познавшія поэзію жизни, воспѣвавшія смѣлость и отвагу, какъ цѣнители всего высокаго, не мелко-торгашескаго, единственнымъ элементомъ, котораго Орфей безумія, Сервантесъ де-Сааведра, могъ обезсмертить въ образѣ благороднаго рыцаря Ламанча, элементомъ, берущимъ на себя выполненіе самыхъ трудныхъ задачъ, облагораживающимъ нашу жизнь, но и осмѣиваемымъ и оплевываемымъ самодовольными господами положенія, ничтожными, пошлыми представителями великой семьи Ругоновъ Макаръ.

Только босяки и только мальчишки сводятъ съ ума полицію и пускаютъ въ ходъ рѣшительно все: камни, палки, свистки, на радость даже коварной „Искрѣ“, которая сразу мѣняетъ свой тонъ и начинаетъ аплодировать вамъ, если только ей нужно чужими руками загребать революціонный жаръ, и они же будутъ тѣми одураченными „революціонными авантюристами“, которыхъ сумѣетъ надуть Р. С. Д. Р. П., когда она приступитъ къ выполненію великой цѣли всего движенія, къ выбору Бебелей, дабы ихъ трубными гласами разрушить буржуазный Іерихонъ.

О! да, люди, которые прекрасно понимаютъ, много ли надо, чтобъ олимпіецъ, зарапортовавшись, окончательно бы потерялъ свой стыдъ, будутъ представлять нежелательные оазисы въ этой соціалдемократической пустынѣ партійнаго раболѣпства. Долой всѣхъ этихъ господъ, которые мѣшаютъ Либкнехтамъ „заниматься ремесломъ дураковъ“ и съ помощью парламентовъ ликвидировать буржуазную лавочку! А пока наши олимпійцы будутъ бить въ перси своя, чтобъ аграріевъ и акціонеровъ, получающихъ казенныя субсидіи, заставить разразиться хохотомъ, но уже вдали отъ удовлетворенныхъ маленькими интерпеляціями Бебелей. Они будутъ метать громы въ безвоздушныя пространства и доходить до виртуозности въ великомъ искусствѣ очаровывать мелодичными звуками соціалдемократическихъ симфоній, спеціально приспособленныхъ къ парламентамъ, убаюкивая при этомъ очень скоро устающихъ набожныхъ католиковъ, очаровывая всѣхъ, кто „рожденъ для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. Говорятъ, что самъ Бюловъ охотно подставляетъ барабанную перепонку подъ аккорды Бебелевской музыки: еще бы! развѣ человѣчество такъ низко пало, что оно перестало уважать Кикероновъ.

Понятно, что вы, товарищи по профессіи лукавыхъ буржуазныхъ депутатовъ, имѣющихъ больше васъ основаній засѣдать въ парламентѣ, что вы, привыкшіе вращаться въ высшемъ обществѣ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрящіе на нахально-лѣзущую, грязную, неблаговоспитанную, порочную босяцкую ораву, на этотъ вращающійся около очаговъ разврата бездомный, безпріютный люмпенпролетаріатъ, что вы, милѣйшіе депутаты, носители высшихъ прогрессивныхъ началъ, должны на этотъ босяцкій міръ указывать намъ, какъ на подонки общества. Подонки общества, преступная чернь, оборванцы, голяки, — такова вѣчная пѣсня хорошо одѣтаго господина, какого демона онъ бы не исповѣдывалъ.

И послѣ столь искреннихъ гримасъ, всѣ эти бѣлоручки, друзья одѣтыхъ празднично рабочихъ, машинально произносящіе при видѣ поющей кафешантанные куплеты босяцкой оравы многозначительное „брр!“-имѣютъ все же смѣлость утверждать, что они съ большей любовью идутъ въ грязныя конуры угнетеннаго человѣчества, чѣмъ хотя бы въ великолѣпные дворцы, гдѣ засѣдаютъ продажные „представители народа“. Послѣ великихъ примѣровъ товарищескаго отношенія квалифицированныхъ къ неквалифицированнымъ, послѣ того, какъ историкъ движенія отмѣчаетъ успѣхи рабочихъ вождей въ смыслѣ усвоенія болѣе красивыхъ манеръ и въ такой степени, что буржуазные салоны не могутъ отказать въ пріемѣ блестящимъ кавалерамъ, послѣ постоянной ругани, сыплющейся на изголодавшуюся братію и признанія совершаемыхъ наиугнетеннѣйшимъ слоемъ мелкихъ кражъ великими вплоть до искреннихъ fi donc преступленіями;-всѣ эти господа и эти „идеологи“ еще смѣютъ увѣрять насъ, что они отрицаютъ буржуазную мораль и всесильнаго земного повелителя-собственность, и что они не могутъ подписаться подъ громеносной іереміадой Пушкина по адресу „безсмысленнаго“ народа.

Но чѣмъ вы, чистыя, благовоспитанныя созданія, отличаетесь отъ тѣхъ заядлыхъ представителей буржуазныхъ слоевъ, у которыхъ съ большимъ правомъ, чѣмъ у васъ, вызываетъ тошноту неприглядный видъ оборванца-босяка? Въ своихъ нападкахъ на людскую испорченность, на грязные инстинкты трущобъ, чѣмъ отличаетесь отъ тѣхъ же буржуевъ, мотивирующихъ поддерживаемый ими гнетъ все тѣми же невѣжествомъ и порочностью народа и чѣмъ вашъ квази-моральный цензъ отличается отъ такового же ценза буржуазіи? Нѣтъ! подобно послѣдней, каждый разъ, когда босяки ехидничаютъ надъ туго накрахмаленными спеціально для парламентовъ воротничками и надъ вашимъ мягко стелющимъ демагогическимъ языкомъ, вы можете спокойно отвѣчать имъ серьезнымъ тономъ уважающаго себя господина:

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей.

Но чѣмъ вызвано ваше человѣконенавистническое отношеніе къ босякамъ?-„Они враги культуры.“-Разберите этотъ аргументъ и вы убѣдитесь, что онъ лишь одинъ конецъ того обоюдоостраго меча, которымъ нѣкогда буржуазія отражала нападенія тогда еще революціоннаго пролетаріата. Не былъ ли и послѣдній врагомъ то-

то же прогресса, не уничтожалъ ли онъ машинъ, не свалилъ ли онъ вандомской колонны и не имѣлъ ли историческаго права произвести еще больше опустошеній? Не постольку ли стало ясно всѣмъ, что рабочій-врагъ не машинъ, а вдохновляемой ими эксплуатаціи и съ радостью будетъ взирать на зіяющія раны въ буржуазномъ организмѣ? Онъ сталъ кумиромъ и предметомъ всеобщаго вниманія; его революціонная энергія поразила весь міръ.

А босякъ? Если онъ въ бурное время будетъ уничтожать то, надъ чѣмъ работали цѣлые вѣка, то докажетъ ли онъ что нибудь другое, какъ не то, что проснулся въ немъ демонъ разрушенья? Развѣ не съ завистью смотритъ онъ на продукты цивилизаціи, выставленные въ витринахъ богатыхъ магазиновъ? Съ какой охотой прибралъ бы онъ ихъ къ себѣ и съ какимъ наслажденіемъ развалился бы въ мягкомъ креслѣ, съ тѣмъ лишь отличіемъ отъ насъ, что, безпокойный, мятежный, онъ не будетъ засиживаться тамъ до геморроя. Или отказался бы онъ цѣдить шампанскаго и съѣдать чудныя грозди винограда? Развѣ онъ противъ утѣхъ жизни и благъ цивилизаціи, когда онѣ доступны ему?

Не онъ ли, наконецъ, разбиваетъ дорогіе старому міру предразсудки и зло смѣется надъ ними, отвергая все вялое, скучное и лелѣя смѣлые порывы? Эта непринужденность, это отрицаніе всякихъ искусственныхъ узъ и есть та бѣшенная волчица, которая питаетъ будущаго универсальнаго деспота-цивилизацію. Здѣсь, въ уголкахъ отрицанія скучныхъ догмъ, утомляющихъ всѣхъ приличій, въ убѣжищахъ, гдѣ рождаются „преступные“, адски жестокіе замыслы противъ умирающаго міра, явилась, крѣпла и развивала свою мощь смѣлая идея не признающей ничего выше себя, прогрессивной, безпощадной, дерзкой жизненной критики. Пороки и преступленія взростили нашу цивилизацію, босяцкая смѣлость придала ей надлежащій размахъ. Отсюда испоконь вѣковъ дѣлались подвохи Люциферомъ подъ гнусное зданіе буржуазнаго довольства и заступомъ ему служила гордость наша и прежде всего гордость босяка-человѣческая разнузданность.

Кто, какъ не босякъ, является демономъ-акушеромъ исторіи? откуда, какъ не изъ мрачныхъ трущобъ, льется потокомъ этотъ тлетворный ядъ осмѣиванія всего черство-холоднаго кодекса позорной буржуазной морали?

Можетъ быть, вы, честные сынки богатыхъ родителей, гнушаетесь того мелкаго воровства, на которое всегда пойдетъ босякъ? Но развѣ не въ этомъ ежедневное, живое отрицаніе права собственности? и развѣ проворовавшіеся босяки не являются лучшими выразителями глубочайшей въ мірѣ идеи: послѣдній изъ всѣхъ отверженныхъ имѣетъ такое же право на существованіе, какъ самый заслуженный эмигрантъ, будь онъ даже Плехановъ. Честные политическіе преступники, въ своихъ, бичующихъ склонность босяка къ ѣдѣ, проповѣдяхъ, являющіеся Іоаннами Предтечами для участковаго пристава и ищеекъ съ Гороховой улицы, лица, которые кое какъ, а все таки проживутъ часто насчетъ все той-же революціи, сквозь пальцы смотря на безмятежную жизнь Бебелей, Лафарговъ и хотя бы самихъ себя, будутъ строгими очами пожирать упорствующихъ въ своихъ грѣхахъ босяковъ.

Если вы, добродѣтельные мои друзья, не можете убѣдить родныхъ то, что они высылаютъ вамъ, направлять по адресу вами наставляемаго босяка, если вамъ неудобно принять его въ партійную типографію и экспедицію, если вы не можете ссудить его „на нѣсколько дней“, но безъ отдачи, деньгами, если вамъ трудно взять для него изъ партійныхъ, студенческихъ и эмигрантскихъ кассъ или найти переписку или уроковъ, то будьте любезны посторониться немного и дать дорогу идущему на невинную забаву босяку.

Изъ этого чувства его-украсть все, что надо ему,-выросла, несмотря на всѣ драконовы законы и всѣ сентиментальничанья сытыхъ филантроповъ, эта глубоко запавшая въ душу его ненависть къ „священному праву“ собственности. Мелкія ли экспропріаціи, или ваше обобществленіе потомъ, все тотъ же великій грабежъ въ глазахъ буржуазіи, и странно отрицать одно, признавая другое и было бы еще болѣе странно, признавая грабежъ для партійныхъ расходовъ: на содержаніе членовъ партіи, отрицать его для босяковъ. А грабежъ въ пользу партіи бываетъ разнаго рода!

Люди, вся собственная честность которыхъ заключается въ томъ, что они имѣли осторожность выбрать богатыхъ родителей или въ томъ, что занимаются легкимъ литературнымъ трудомъ, сущей пародіей надъ трудомъ вообще; теоретики „честныхъ кражъ“ повсѣмъ правиламъ буржуазной морали, почему то непремѣнно открыто; „моралисты“, смотрящіе на эти акты, не какъ на естественные, вызванные необходимостью утолить свой голодъ, а какъ на вящшее упражненіе въ добродѣтеляхъ подъ контролемъ какой

то высокоморальной субстанціи, всѣ эти господа поносятъ тайныя кражи босяковъ за это отсутствіе „рыцарскаго прямодушія“. Устами сихъ младенцевъ глаголетъ святая истина эксплуатаціи.

Пусть не стараются всѣ, боящіеся исповѣдываньемъ смѣлой теоріи отрицанія судовъ вообще разозлить буржуазію и буржуазную революцію и потому прибѣгающіе къ „смягчающимъ вину обстоятельствамъ“, казаться гуманными, снисходительными судьями, выносящими оправдательные приговоры, хотя и преступной, но, „по невѣжеству своему“, преступающей законы, босяцкой нищетѣ. Она не проситъ у васъ провезенныхъ контрабандой черезъ буржуазныя заставы милости и снисхожденія. Продолжайте по прежнему успокаивать реакцію, увѣряя ее, что вы не то, что другіе, мазурики, не признающіе ничего святого, ибо вамъ все равно не унять даже вашими „улучшенными тюрьмами“ продолжающихъ отмыкать замки и уносить изъ церквей дорогіе священные сосуды. И я думаю, что міръ преисполняется ликованья и все кругомъ предается какому то высшему блаженству, нѣгѣ, неземному томленію, когда подъ акомпаниментъ адскаго хохота всего озлобленнаго человѣчества внизу раздается скрипъ, лязгъ отмычекъ въ рукахъ искуснаго соціальнаго слесаря-воришки.

Живо представляю себѣ, какъ глубоко должно возмущать только что пообѣдавшихъ приватъ-доцентовъ по каѳедрѣ буржуазной морали мое подобное „совершенно напрасное“ ликованье. Снисхожденье-да! но не поощреніе. И эти „...закоренѣлые аристократы довольны, когда у нихъ являются случаи нисходить къ младшимъ братьямъ, ибо именно благодаря этому они чувствуютъ, какъ высоко поставлены они сами“.

Нѣтъ! не снисхожденье и любовь къ человѣчеству руководятъ вами, передъ вами встаютъ славныя тѣни прошлаго. Радостно шагаете вы за февральскіе дни и попадаете въ Парижъ Луи-Филиппа. Великій историкъ собираетъ базальковскихъ героевъ, старыхъ, лукавыхъ созданій и говоритъ: „enrichissez-vous!“ Поймите весь смыслъ вашего же боевого клича.

Тамъ за приснопамятными героями пойдетъ длинной вереницей цѣлый рядъ несчастныхъ пролетаріевъ, и Гизо поспѣшно прихлопнетъ двери передъ ними. „Они сами виноваты“, говоритъ онъ: „что не могутъ удостоиться такихъ же благъ. Народъ не бережливый, не хочетъ обогатиться.“ А что иное говоритъ теперь „свободная“ Британнія и либерально-реакціонный континентъ?

И развѣ вы, понимающіе сами все безстыдство продажнаго ми-

4-3054

Библиотека ИМЭЛ

нистра, хуже понимаете то, что босякъ не можетъ примоститься у промышленнаго станка, не выгнавъ кого либо въ Сентъ-Антуанскія предмѣстья, что съ расцвѣтомъ промышленности, съ обѣднѣніемъ деревни, босяцкій міръ открываетъ новые источники, питающіе его. Можетъ быть, около фабрикъ копошится небольшая часть могущихъ хоть случайно окунуться въ фабричный водоворотъ, но сколько такихъ, которымъ навсегда входъ воспрещенъ въ тѣ мѣста, гдѣ „ваши“ прекрасно мирятся со всѣми Бентамами, свободой, равенствомъ и братствомъ.

Не имѣя постояннаго заработка, босякъ кое какъ перебивается случайной, непостоянной поденщиной, подаяніемъ и своимъ великимъ босяцкимъ промысломъ. Но все забывается, и съ кафедры слышится голосъ Гизо: „улучшайте ваше положеніе! и если гдѣ нибудь покажется босякъ, смирите его, ибо онъ не способенъ на улучшеніе своего положенія и не отзывается на это: „enrichissez-vous“. И сколько деморализаціи вноситъ въ босяцкую жизнь его воровское ремесло! Видите ли? онъ теряетъ охоту къ труду.

Вы, какъ нѣкоторые хамы, очень приглядѣлись къ наглымъ буржуазнымъ созданьямъ, вы еще съ ловкостью съ иголочки одѣтыхъ съ завитыми кудрями пошлыхъ твореній-приказчиковъ большихъ магазиновъ, молодцовато расшаркиваясь, открываете двери передъ ея величествомъ - буржуазіей и захлопываете ихъ передъ носомъ засмотрѣвшагося босяка!

И пусть босяки не создаютъ прибавочной стоимости, благодаря чему? не тому ли, что изъ 6, 8 и т. д. имѣющихся рабочихъ рукъ, если можно занять лишь 4, 6 и т. д., приходится оставлять двухъ на произволъ судьбы, предоставивъ имъ пробавляться, работая урывками, то здѣсь, то тамъ, а не то испытывать вѣрность ночного мрака и своего воровского чутья.

„Развратомъ“ своимъ босяки поддерживаютъ любовь къ досугу и духъ протеста въ рабочихъ, въ ихъ притонахъ постоянно снимающихъ свои буржуазныя тяжести. Босякъ вообще-это реальный историческій бѣсъ революціи. Онъ антиподъ тѣмъ, которые вмѣстѣ съ 12, 14 часами работъ продали душу богу экономики.

Прилежные работники нуждаются во внѣшнемъ оплодотворяющемъ началѣ, которое могло бы вдохнуть въ нихъ революціонную злобу и ненависть къ богачамъ.

Босяки же какъ разъ элементъ, издѣвающійся надъ псалмопѣвцами буржуазнаго прилежанія и тѣмъ подтачивающій устои рабской покорности, это—революціонный элементъ, культивирующій идею наименьшаго труда и въ силу историческихъ обстоятельствъ идею человѣческаго досуга. Но это культъ не буржуазной эксплуататорской лѣни, а антибуржуазной и революціонной. Это посланникъ ада, блюститель интересовъ подземнаго царства, который пріютился на окраинахъ города, соблазняя всѣхъ въ его чертоги вхожихъ. Пусть онъ даже не создаетъ прибавочной стоимости, а развѣ ваши интеллигенты, вы сами, наконецъ, создаете ее?

Поскольку рабочіе ближе подойдутъ къ бѣсу праздности, постольку только добьются хотя бы даже улучшенія своего положенія, а развѣ стачки не отказъ отъ работы и проникновеніе великимъ босяцкимъ духомъ? Буржуазный Саваофъ проклинаетъ человѣка и говоритъ: „въ потѣ лица твоего ты будешь ѣсть хлѣбъ твой". Босякъ же учитъ той безпечности и любви къ досугу, которая заставляетъ буржуя просить васъ туда, въ вентилируемую уже мастерскую на лучшихъ харчахъ, на высокой платѣ.

Васъ смущаютъ позорящіе(?) буржуазный строй пороки босяковъ, его мелкія страстишки, его развращенность? нѣтъ! они смущаютъ васъ этой своей грязной оболочкой, оболочкой босяцкой нищеты. Развращенность босяка — историческая привычка, необходимый спутникъ мятежнаго; духа ваша—это позорная сладострастная дрожь возбужденнаго жирными блюдами и опьяняющимъ нектаромъ блаженнаго буржуя, это вѣчно гнетущая его сознаніе мысль, каждый нюансъ которой смакуется, медленно процѣживается черезъ извращенный мозгъ. Босяцкому разврату недостаетъ этой вычурности и самовосхищенности буржуазнаго разврата, и пусть только босякъ надѣнетъ воротнички и манишки, — кто, кто изъ самыхъ заклятыхъ его враговъ осмѣлится упрекнуть его въ порочности?

Душа его — очагъ неумирающей никогда ненависти ко всему, что хоть въ самой слабой степени напоминаетъ ему о власти, объ угнетеніи. Пусть даже ненависть — порокъ съ точки зрѣнія освобожденнаго отъ зла человѣчества, культивирующаго всеобщую солидарность, братство, любовь. Съ революціонно-исторической точки зрѣнія она зиждительное начало, стократъ выше любви. Ангелъ смерти придетъ косить буржуазное населеніе, прежде чѣмъ настанетъ великій день свободы. Сентъ-Антуанскія предмѣстья, Хитровы рынки и Вяземскія лавры выѣдутъ на большую дорогу, убивая безжалостно дѣтей нечестиваго Ахаза. Трущоба будетъ гу-

дѣть: „дочь буржуазнаго Вавилона, опустошительница!... блаженъ, кто возьметъ и разобьетъ младенцевъ твоихъ о камень.“ И пронзительный свистъ ея будетъ историческимъ упрекомъ слабонервнымъ трусамъ.

Если 30.000 рабочихъ могутъ повергаться ницъ передъ его высочествомъ Сергіемъ, если мать сыра земля можетъ носить до сихъ поръ желтые синдикаты и если стачечники могутъ капитулировать передъ хозяевами, прекрасно понимая, что, отказываясь голодать, они измѣняютъ своему рабочему дѣлу, то почему вѣчно голодные босяки не могутъ на время прекратить свою голодовку и продаться буржуазіи, ограбленіе которой въ вашихъ глазахъ было бы, можетъ быть, еще болѣе тяжелымъ преступленіемъ? Никогда и никто не говорилъ имъ объ общей революціонной работѣ, никогда ихъ не призывали вы бороться рядомъ съ собой, и было бы странно, если бъ они на себя смотрѣли иначе, какъ на особый, всякимъ ничтожествомъ лягаемый міръ, странно было бы, чтобы они жертвовали своими интересами во имя невѣдомыхъ имъ и никѣмъ не указанныхъ обязанностей. Вы и буржуи одинаково ругали и, сытые сами, смѣялись надъ лохмотьями босяка и бичевали пороки и всякія прегрѣшенія его. И онъ презираетъ и васъ и вами оберегаемыхъ буржуевъ и всякому, кто осмѣлится упрекнуть его продажностью, онъ отвѣтитъ въ сердцахъ: „идите отъ меня... къ дьяволу, ибо алкалъ я, и вы не дали мнѣ ѣсть; жаждалъ, и не напоили меня; былъ странникомъ, и не приняли меня; былъ нагъ, и не одѣли меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили меня“.

Помирая съ голоду, босякъ поневолѣ первому встрѣчному политикану продавалъ себя, но ненависть къ чистой публикѣ ни на минуту не утихала въ немъ и, можетъ быть, еще вчера, безпечно насвистывая какую нибудь пѣсеньку собственнаго издѣлія, онъ походя ограбилъ пузатаго банкира и даже отправилъ его ближайшей дорогой въ царство небесное.

Свистомъ, гамомъ, неприличными кувырканіями и полной неспособностью воздержаться во время революціонныхъ маршировокъ отъ нарушающихъ стройность похода проявленій „несознательности“, они мѣшаютъ марксистамъ въ ихъ муравьиной организаціонно-строительной работѣ. Они никогда не согласятся играть роль послушнаго тѣста въ вашихъ рукахъ, они не пойдутъ въ ваши монастыри, они не рождены въ вашихъ палестинахъ, они не продадутъ никому, рѣшительно никому свою волю волюшку. Оказываютъ они свое содѣйствіе всякому, кто къ нимъ при-

детъ, но съ тѣмъ, чтобъ предоставлено было имъ дѣйствовать по своему. А честолюбцевъ съ централизаторскими замашками они также хладнокровно во время выборовъ прокатятъ на вороныхъ, какъ хладнокровно въ слѣдующую же ночь дочиста ограбятъ буржуевъ. Молодцы, парнишки! пусть очищаютъ Авгіевы конюшни-парламенты отъ всѣхъ неискреннихъ враговъ эксплуатируемыхъ рабочихъ. И если не вполнѣ удастся провалить васъ, такъ пусть хотя бы наносятъ ударъ вашему самолюбію!

Продажные, безполезные, по вашей же винѣ, въ мирное время, они настоящіе демоны во время революцій. Когда буржуазные пономари бьютъ въ набатъ въ ужасѣ передъ соціальными пожарами, улицы и всѣ перекрестки полны этими революціонерами. Враги безцѣльныхъ маршировокъ въ мирное время, они не щадятъ энергіи, когда имъ импонируютъ революціонные призывы и созданное ими же воинственное настроеніе, они не щадятъ никого и ничего, они авангардъ на манифестаціяхъ и застрѣльщики, когда начинается соціальное кровопусканіе, они дѣлаютъ первыя бреши въ старыя зданія, они могильщики стараго міра со всѣми его доблестями и недостатками. Есть у нихъ и великіе грѣхи, но кто предъ богомъ не грѣшенъ, предъ вами не виноватъ?

Революція-понятіе босяцкое. Босяки поэтому были и будутъ всегда верховодами разрушенья, они историческіе помощники для истинныхъ революціонеровъ. Что было бы, если бъ мы во время обратили вниманіе на нихъ, организовывая на вполнѣ товарищескихъ началахъ боевыя дружины, шайки, команды и предоставили бы имъ объявлять города въ ночномъ осадномъ положеніи, грабить, убивать, а днемъ устраивали бы драки, происшествія и злили бы вмѣстѣ съ дѣтворой полицію. Манифестаціи превратились бы въ невозможный хаосъ. Пусть шумятъ, кричатъ, свищутъ, гикаютъ, хохочутъ, бросаютъ каменья, пугаютъ лошадей, играются ножами и кинжалами, грабятъ оружейные склады и пр. и пр. Власти растерялись бы совершенно и метались бы, какъ угорѣлые, въ стороны. Но ударилъ ли кто нибудь палецъ о палецъ?

Боевыя шайки ничего общаго не будутъ имѣть съ чинно марширующими вашими отрядами. Среди босяковъ нельзя устраивать вспомогательныхъ кассъ, профессіональныхъ союзовъ и проч., но вѣдь въ нихъ никто и не нуждается. О централизмѣ точно также не позволятъ завести рѣчь: босякъ первому зазнавшемуся честолюбцу, какъ Щедринскій мальчикъ безъ штановъ, скажетъ „на-тка выкуси!“. И по дѣломъ.

III

Великій кудесникъ открываетъ слѣдующій саркофагъ и показываетъ третью набальзамированную истину: крестьянинъ не можетъ быть революціонеромъ. Египетскія начертанія ничего не разъяснятъ болѣе, ибо они указываютъ на сравнительно младенческій періодъ развитія человѣческой мысли.

Ортодоксы сущіе мекленбургъ-ольденбургскіе историки. Они предпочтутъ одну пустую подробность изъ исторіи какого нибудь княжества самому яркому проявленію народнаго духа; ихъ забавляютъ всегда театральныя вещи: рукопожатія, рѣчи, уставы, программы, обѣщанія. Только потому они за эффектностью внѣшнихъ событій проглядываютъ самую суть. Забываютъ, что до оффиціальной версало-парижской революціи было до 300 народныхъ волненій. Забываютъ также все то, что вызвало крестьянскую реформу, крупный недостатокъ которой заключается и въ томъ, что своими отрѣзками она дала возможность Ленину выкарабкаться изъ того незавиднаго положенія, въ которомъ онъ оказался послѣ Полтавскихъ и Харьковскихъ событій.

Когда городскія волненія, говорятъ они, доказывали революціонность пролетаріата, глубокое молчаніе со стороны крестьянъ въ то же самое время ясно указывало на полное отсутствіе въ нихъ чувства солидарности съ рабочими. Но городскія волненія доказываютъ лишь то, что агитація велась среди и ради городскихъ рабочихъ, а крестьянскія — среди и ради крестьянъ.

Да и странно было бы, чтобъ крестьяне интересовались рабочими больше, чѣмъ послѣдніе ими; развѣ земледѣльческое населеніе, составляющее огромное большинство всего русскаго народа, не имѣетъ своихъ нуждъ и горя? Съ какой стати ему зря соваться туда, куда его не приглашали ни грамотные, ни безграмотные изъ васъ, и когда слухи о вашихъ священнодѣйствіяхъ доходили до него черезъ третьи и четвертыя руки. Оставлять подавляющему большинству женъ, дѣтей и стариковъ и итти на встрѣчу неуловимому, не приглашавшему его меньшинству — гдѣ это слыхано въ исторіи?

Кромѣ того, какъ ни какъ, мужички по прежнему упорствуютъ въ своей „исконной преданности къ престолу и отечеству“, и это должно, понятно, вызывать чувство досады у рабочихъ, сплачивающихся въ Зубатовскія организаціи, пришедшихъ 19 февраля въ Кремль, у Мильерана, подающаго ручку Николаю, у Либкнехта,

присягающаго саксонскому дому, у „товарища“*) Топанкова, у нѣмцевъ, сердитыхъ на Засуличъ за ея „злодѣйское преступленіе“.

Какъ будто въ избавленныхъ отъ крамолы деревняхъ правительство не вело опасной, усиленной агитаціи въ духѣ реакціи и не напускало на нихъ дружной шайки святыхъ и не святыхъ, знахарей, поповъ и всякихъ кудесниковъ, земскаго начальника и урядника при молчаливомъ попустительствѣ съ вашей стороны? И если бъ даже въ 70-хъ годахъ удалось набрать десять, двадцать тысячъ крестьянъ, не представляли бы они все таки лишь маленькую каплю, тонущую въ многомилліонномъ крестьянствѣ. Гдѣ и кѣмъ доказана ихъ антиреволюціонность? Десятки лѣтъ, цѣлые десятки лѣтъ вами ведется агитація среди рабочихъ безъ важныхъ для нихъ результатовъ, и все таки смѣло ставятся кресты надъ всѣмъ крестьянскимъ населеніемъ, гдѣ агитацію начали вести лишь въ послѣднее время, да и то не вы, и въ какой нибудь десятитысячной, стотысячной части его.

Гдѣ и кому изъ васъ удалось разрушить буржуазный Карѳагенъ, поколебать устои цезаризма и эксплуатаціи, чтобъ можно было говорить о какихъ то неудачахъ среди крестьянскихъ массъ?

Внушивъ рабочему, на одну десятую грамотному, на девять десятыхъ безграмотному, ненависть къ мужику, вы требуете еще, чтобъ наши пэйзаны въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ были кротцыи и милостивыи, яко аркадскіе поселяне. Революціонизируя крестьянскія массы при помощи ребяческихъ программъ, вы серьезно воображаете, что тѣмъ самымъ рушатся соціальныя перегородки и корчите изъ себя Прокрустовъ, вгоняющихъ въ опредѣленныя рамки не признающую васъ народную жи[illegible].

А когда послѣдняя начинаетъ посмѣиваться надъ вами, и передъ вами встаетъ непріятный призракъ „ненаучнаго“ крестьян-

---

*) Сей мужъ, совмѣщающій въ себѣ два естества: сыщика (секретарь полиціи въ Рущукѣ) и соціалиста (членъ Болг. С. Д. Р. П.), давалъ нагло нелѣпыя и удивительно безсмысленныя показанія эмигрантской комиссіи, созванной для разбора дѣла Музиля. При собираніи „фактовъ“ онъ пользовался услугами товарищей по службѣ... херувимовъ и серафимовъ, имѣющихъ отношеніе къ дѣламъ внутренней политики. Центр. Ком. Б. П. просилъ комиссію не публиковать показаній, „дабы не повредить служебной дѣятельности товарища Топанкова.“ Комиссія вняла просьбѣ Ц. К.; она рѣшила замолчать фактъ соціалистическаго сыска, ибо о сыскѣ не пишутъ, а сыскъ дѣлаютъ иль прикрываютъ.

скаго бунта, вы начинаете протискивать въ аграрную программу добавленія и примѣчанія и устами Ленинныхъ вѣщать великую, умѣло популяризированную, идею невеликихъ подачекъ.

Не одна Искра составляла для крестьянъ программу-минимумъ, а все, что только боялось народныхъ волненій, всѣ реакціонные, правительственные элементы хватались за ту же спасительную соломенку. Крестьянскія положенія, высочайшіе манифесты и всякіе законодательные акты принадлежатъ къ той же категоріи попытокъ. Молча всегда принимала деревня всѣ эти „отрѣзки“: она знала, что будетъ и на ея улицѣ праздникъ.

Во всѣхъ этихъ экскурсіяхъ въ чертоги крестьянской бѣдноты болѣе всего поражаетъ человѣка это стремленіе марксистовъ, минуя подавляющее большинство, оперировать надъ безконечно-малыми величинами, надъ какими нибудь сотями долями процента. Не сто пятидесяти милліонный народъ, нѣтъ! русскую исторію дѣлаютъ жалкіе 10-20 тысячъ „сознательныхъ“. Да здравствуютъ гессенъ-дармштадскіе историографы!

Такова болѣе или менѣе полная схема соціалистической систематики, поскольку ею классифицируются подонки и полуподонки общества. Дальше идутъ самыя сливки: учащаяся молодежь, интеллигенція, офицерство и пр. Прибавочной стоимости никто изъ нихъ не создаетъ, но зато къ дисциплинѣ склонность большая: постольку они и удостаиваются искровскихъ рукопожатій. О нихъ скажемъ лишь, что. какъ только попадаютъ они въ лагерь ортодоксовъ, все живое вывѣтривается изъ нихъ и остается что то кислое, сухое, унылое. Какъ какой нибудь вѣчно скучающій владыко, они проникаются великой истиной суетности всѣхъ суетъ, чтобъ отодвигать кровавые призраки революціи, предоставивъ грядущимъ поколѣніямъ отвѣчать за ошибки отцевъ.

Зато тамъ, при нашихъ дѣтяхъ, будетъ хорошо, и много будетъ тогда революціонеровъ, а, стало быть, и мы революціонеры. Дѣти, дѣти! милыя, прекрасныя дѣти! доводами, почерпнутыми изъ вашей будущей революціонности, ваши отцы будутъ аргументировать свою „сознательную“ революціонность. Міръ явился свидѣтелемъ зарожденія страннаго института—обратнаго дворянства, революціоннаго благородства по винѣ дѣтей. Соціалдемократы, поставившіе вверхъ ногами Гегеля, выдѣлали то же самое съ тео-

ретиками геральдической науки. Сынъ будетъ бороться мечомъ и сѣкирой и сокрушать вражескія силы. Значитъ, отецъ-активный революціонеръ. Сына повѣсятъ публично,- значитъ, отецъ пострадалъ за народъ. Отцы стали скупы на ту подать кровью, которую съ революціонеровъ взимаетъ исторія. Такъ пусть дитя раскошеливается за нихъ. Но вѣдь дитя не всегда дитя, вѣдь и оно, когда окрѣпнетъ, придетъ въ возмужалость, станетъ въ свою очередь производить потомство. Такъ пусть внукъ, правнукъ, словомъ, кто нибудь изъ нашихъ потомковъ (найдется же, наконецъ,) отвѣчаетъ за отца и сына, и святой революціонный духъ.

Имъ можно ждать: все болѣе и болѣе привлекая къ себѣ симпатіи власть имѣющихъ и властью насъ дарящихъ привиллегированныхъ слоевъ и тѣмъ надолго обезпечивая себѣ и домочадцамъ своимъ спокойную, безмятежную жизнь подъ небомъ счастливой Гельвеціи; вѣчно и вѣчно услаждая себя этими, то могучими и свирѣпыми, то сладкими и сладко замирающими звуками тѣхъ пѣсень о славномъ прошломъ и великомъ будущемъ великаго и славнаго рода „сознательныхъ“, которыя распѣваютъ восторженные партійные пѣвцы въ уютныхъ, пріятно поражающихъ насъ своимъ резонансомъ, залахъ заграничныхъ кафе; отдавшись цѣликомъ выясненію ближайшихъ историческихъ поводовъ столь интересующей человѣчество ссоры нашихъ Ивановъ Ивановичей съ Иванами Никифоровичами; — имъ есть разсчетъ, имъ смѣло можно ждать.

„Въ странѣ свободы, въ преддверіи будущаго соціалистическаго царства“, они какъ у Христа за пазухой. Снѣжныя громады Альповъ обступили эту страну, и ниоткуда не дойдетъ до нихъ никакое дуновеніе тиранніи.

Имъ можно ждать: какое дѣло имъ, баловнямъ Фортуны, до тебя, „грязная, невѣжественная“ чернь! развѣ слезы твои тронутъ людей съ сіяющими лицами? раскрывали ли они народныя скрижали, ужасныя скрижали, исписанныя кровью твоей и кровью дѣтей твоихъ? какъ понять имъ, счастливцамъ, весь твой душевный адъ: ненависть, злобу, симпатіи, всѣ муки, страданія и все горе твое? и заглядывали ли они когда нибудь въ самую душу твою и во всѣ глубокіе тайники ея и, сытые, съ ихъ сытыми сознательными хамами, не въ правѣ ли они требовать отъ тебя, чтобъ не для нихъ, а для дѣла свободы, ты согласилась голодать и страдать всю жизнь и обязательно оставила эту безусловно непохвальную порочность твою?

О спрячь! спрячь! далеко припрячь порочную душу свою!.. уйди! уйди!.. чтобъ лохмотья твои не повѣдали намъ о томъ моральномъ паденіи, которому подвержены всѣ, подобно тебѣ, не получающіе ниоткуда презрѣннаго металла. Какъ устоитъ порочность и алчность твоя передъ безкорыстіемъ и скромностью богатаго безсребренника, передъ святостью буржуазной морали, которая воздвигла свой тронъ на прочномъ фундаментѣ буржуазнаго довольства и опирается на немъ, какъ твердь земная на легендарныхъ китахъ. Какое счастье быть честнымъ человѣкомъ и какъ блаженны должны быть тѣ, которые, въ погонѣ за правдой, истиной и справедливостью, забывъ даже про ѣду, довольствуются лишь исканіемъ ихъ: правды, истины и справедливости и, можетъ быть, питаются тѣмъ, что, подобно тѣмъ же китамъ, „емлютъ десятую часть райскаго благоуханія“... но ужъ, навѣрно, не отъ зажареннаго въ буржуазной Валгаллѣ кабана.

О нѣтъ! не отъ того буржуазные киты сыты бываютъ!

Чернь! порабощенная дармоѣдами чернь! уйди отъ этой сволочи!.. друзья-ребята изъ вертеповъ и ночлежныхъ домовъ и свѣтлыхъ и темныхъ угловъ и заливаемыхъ водой подземелій! всѣ вы, бродяги, несчастные, неудачники! всѣ, всѣ, обмазанные грязью нищеты, въ разноцвѣтныхъ богатыхъ виссонахъ вашихъ изъ лоскутковъ, тряпокъ, лохмотьевъ, со всѣмъ душевнымъ адомъ и болѣзнями вашими, горькія пьяницы, молодцы изъ славнаго племени босяковъ, съ незаспанными глазами и вѣчно блуждающимъ взоромъ, всѣ вы, живые элементы созидающаго разрушенья!.. дальше уходите отъ этой самодовольной сволочи, благочестивой шайки гіенъ и отзывчивой оравы крокодиловъ... уходите! убѣгайте отъ нихъ, не отъ насмѣшекъ и критики, а отъ лицемѣрія и пустословія ихъ!

Великая трущоба! придетъ конецъ мукамъ твоимъ и настанетъ день счастья и свободы! засверкаетъ огонь въ твоихъ страшныхъ глазахъ; злая, жестокая, черная, какъ само преступленіе, мысль, какъ, мракъ разсѣкающая, молнія, ударитъ въ твой мозгъ; въ тебѣ проснется демонъ, зашевелится звѣрь, и оскалитъ онъ зубы и позоветъ онъ великое племя свое, и раздастся подземный хохотъ, непонятный, таинственный гулъ и непонятные, таинственные голоса, и, когда ненависть и злоба обдадутъ вселенную своимъ ядовитымъ дыханьемъ и наполнятъ ее жаждой отмщенія, изъ этихъ нѣдръ народныхъ, изъ поръ и скважинъ ихъ, польется, подобно свободно катящейся лавѣ, всеуничтожающая, всепожирающая и всесокрушающая революціонная желчь.

То будетъ великій день возмездія.

Черныя тучи покроютъ собой небосклонъ; въ густой, зловѣщій мракъ погрузятся дворцы и притоны буржуевъ; политическіе выжиги будутъ безпомощно метаться въ стороны. Но ихъ настигнутъ огненные и кровавые дожди; народная желчь будетъ разъѣдать самый мраморъ палатъ. Матери избиваемыхъ политическихъ младенцевъ, буржуазныя Рахили, горько будутъ оплакивать ихъ и раздирать по нимъ богатыя одежды свои... Гордый, воспрявшій духомъ, Люциферъ разорветъ тяжелыя оковы и сброситъ съ неба самодура кастрата. Возстанетъ адъ, и воздвигнется великій храмъ свободѣ, и жрецы ея будутъ пѣть могучую пѣснь непослушанія.

Запоютъ они пѣснь свободы, могучую пѣснь непослушанія! веселой, жизнерадостной, сильной мелодіей, разряжающейся въ цѣлое море нѣжно вибрирующихъ эфирныхъ волнъ, наполняющихъ вселенную гармоніей, докатится до народнаго океана пѣснь избавленія, спугнетъ съ чела толпы раздумье и заботу и ляжетъ этимъ моремъ ласкающихъ звуковъ на сознаніе ея.

Долго убаюкивали тебя рѣчами своими, успокаивали, утѣшали хитрыя, лукавыя созданія, мѣняли шкуру, ехидны, безъ счету; но ядъ змѣиный заключался въ ихъ сладкихъ рѣчахъ; глаза ихъ выражали лишь ненависть, презрѣніе и плохо скрываемую боязнь.

О! какъ сладко, въ какихъ заманчивыхъ формахъ говорили тебѣ объ этомъ грядущемъ Эдемѣ свободы, братства, довольства. И все, рѣшительно все уступали тебѣ въ возможномъ Эдемѣ... за эту маленькую власть, за эту нетяжелую для тебя диктатуру.

И, когда ты внимала имъ и посылала дѣтей на вѣрную смерть, поднималось возстаніе, свергались троны и цѣлыя касты, и, наконецъ, наступалъ самый Эдемъ, но лишь для нихъ... а кости дѣтей твоихъ становились добычей орловъ и шакаловъ...

Навсегда оставь всѣхъ этихъ господъ! убѣгай отъ этихъ сиренъ! проникнись идеей равенства и духомъ анархіи и возстанія, прокляни всякую власть и всякое господство одного надъ другимъ, откажись отъ всякихъ услугъ подозрительной окраски „друзей“ и вѣчно, неустанно взывай къ самодѣятельности массъ, ибо только тогда наступитъ тобой желанный день избавленья.

Трущоба! ты сама заведи пѣснь о свободѣ! тебѣ не надо наемныхъ пѣвцовъ; пусть звуки народной свирѣли, здоровые, полные мелодіи звуки, раздаются сильнѣй, и пусть пѣсня твоя коснется чуткаго уха борца, приноситъ ему и радость, и счастье, и радостную вѣсть избавленія, чтобъ, какъ только упьется гармоніей

онъ, загорѣлось бы въ сердцѣ его это сильное желаніе свободы, и чтобъ страдалъ онъ, гордый борецъ, упиваясь гармоніей пѣсни твоей. Отточитъ онъ мечи и сѣкиры, соберетъ онъ друзей и съ друзьями пойдетъ онъ бороться за счастье свое, за свободу.

Ты только заведи пѣснь о свободѣ и прими всѣ мѣры, чтобъ грознымъ бурнымъ потокомъ, и съ трескомъ, и съ шумомъ твое возстаніе разлилось отъ горъ и до горъ, чтобъ все, на чемъ лежитъ печать Хама, Каина и Іуды, ломало, разносило и сокрушало оно, а эти ужасные „пороки“ поднялись на взрощенныя въ богатыхъ оранжереяхъ буржуазной морали добродѣтели,—и ты тогда поймешь, что за сволочь всѣ эти соціалъ-гешефтмахеры, всѣ эти Хамы, Каины и Іуды и о чемъ думали и что имѣли въ виду, когда они, въ дни твоей розовой юности, всячески обхаживали тебя.

Наканунѣ великихъ соціальныхъ грозъ, спите безпечно лукавые краснобаи, жалкія, презрѣнныя дѣти насилія! Ваше счастье, что вамъ не понять никогда, какой кровавый пиръ готовитъ вамъ „подлая, преступная чернь“!

Полміра спитъ теперь; но сонъ тревоженъ,-
Его видѣнья посѣтили злыя...
Убійца всталъ. . . . . .
И къ жертвѣ крадется, какъ привидѣнье.

И Макбетъ ползетъ. Ужасная ночь! ужасныя сцены... То не невинныя шалости „революціонеровъ“. То Вальпургіева ночь революціи, когда по зову Люцифера слетаются Спартаки, Разины и герои краснаго башмака на землю. То само возстаніе Люцифера!

Чернь! злой Макбетъ! Въ минуту, когда, раздѣлавшись съ своими врагами, ты начнешь поддаваться сладкимъ рѣчамъ старой лисицы Макдуфа: этихъ странныхъ твоихъ друзей, соціалъ-диктаторовъ, пусть въ эту минуту тайный голосъ скажетъ тебѣ:

Макбетъ! Макбетъ! берегись Макдуфа!

Библіотека ИМЭЛ

Того же автора.—1. О революціи и о казарменныхъ добродѣтеляхъ господъ Тупорыловыхъ. 1904.